

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

P. Suihkonen, B. Comrie, V. Solovyev (eds). Argument structure and grammatical relations: A cross-linguistic typology. Amsterdam: John Benjamins, 2012. xv + 406 pp. (Studies in language companion series 126). ISBN 978-90-272-0593-3.

Данная книга представляет собой сборник статей, прочитанных ранее в виде докладов на симпозиумах LENCA (Languages spoken in Europe and North and Eastern Asia) I и LENCA II, прошедших в 2001 г. в Ижевске и в 2004 г. в Казани. Том содержит 14 статей и предисловие Бернарда Комри (с. XIII–XV).

Открывает сборник статья Асьера Алькаса-ра «Обманчивый случай расщепленной непереходности в баскском» (с. 1–16). Проблема, которую пытается решить автор статьи, – определение статуса так называемых неэргативных (в другой терминологии – «агентивных») одноместных глаголов в баскском, особенность которых в том, что субъект при них маркируется эргативным падежом¹. Автор видит следующие альтернативы: либо такие глаголы следует рассматривать как переходные, несмотря на отсутствие выраженного прямого объекта, и тогда баскский – язык с эргативной морфологией; либо они непереходные, и тогда в баскском нужно постулировать активный строй, или расщепленную непереходность. В последнем случае получается, что неаккузативные (в другой терминологии – «пациентные») одноместные предикаты оформляются как непереходные (т. е. их субъект кодируется номинативом), а неэргативные – как переходные с эргативным субъектом. Пытаясь получить ответ на этот вопрос, А. Алькасар рассматривает поведение неэргативных глаголов в абсолютной конструкции (подобной лат. *ablatus absolutus* и аналогичным конструкциям в других индо-

европейских языках) и «редуцированной» (нефинитной) релятивной клаузе в баскском и испанском. Если в испанском языке неэргативные глаголы в данных контекстах запрещены, а разрешены только переходные и неаккузативные, то в баскском допускаются все три типа. Исходя из этого, автор делает вывод, что неэргативные глаголы в баскском следует рассматривать как переходные. Главным (и единственным, помимо «переходного» маркирования) доводом автора в пользу переходности неэргативных глаголов в баскском, таким образом, является отождествление свойств абсолютной конструкции и нефинитной релятивной клаузы в баскском и в испанском. Однако в разделе, посвященном абсолютной конструкции, А. Алькасар указывает на то, что ее свойства в баскском сближают ее с аналогичной конструкцией в староитальянском, где неэргативные глаголы в данной позиции также допускаются. Как кажется, в свете староитальянских данных аргумент автора теряет силу: при таком унифицирующем подходе неэргативные глаголы в староитальянском (равно как и в других языках, допускающих их присутствие в абсолютной конструкции) нужно также рассматривать как переходные, но никаких аргументов в пользу такой позиции автор не приводит. Возможно, более логичным было бы противопоставить абсолютную конструкцию и нефинитную релятивную клаузу в баскском и староитальянском, с одной стороны, и в испанском, с другой стороны, как обладающие большим или меньшим набором признаков финитной клаузы соответственно; наблюдения, способствующие такому анализу, в статье приводятся.

Статья Бернарда Комри (с. 17–35) посвящена кодированию аргументов глагола с семантикой ‘давать’ в языках Европы, Центральной

¹ Ume-ak dei-tu
ребенок-ERG.SG звонить-PRF
du.
иметь.3SG.3SG
‘Ребенок позвонил’ (с. 2).

и Северной Азии. Доминирующей стратегией для данного региона является непрямая ($T=P \neq R^2$), изредка встречаются также секунда-тивная ($R=P \neq T$: вахский диалект хантыйского), стратегия с двумя прямыми объектами ($R=P=T$: абхазский), а также сосуществование в языке не прямой стратегии и стратегии с двумя прямыми объектами (кетский, нивхский и др.) – в последнем случае выбор между стратегиями часто задается коммуникативной структурой высказывания. Б. Комри перечисляет некоторые свойства синтаксического приоритета, которые могут противопоставлять тему и реципиент: индексирование в глаголе, способность становиться субъектом пассива, приоритет в порядке слов (линейное предшествование и близость к глаголу), «управление» супплетивизмом глагола (например, в корейском различаются глаголы ‘давать’ с реципиентом, низшим/равным vs. высшим по социальному статусу). Б. Комри разделяет признаки синтаксического приоритета, коррелирующие с падежным маркированием (при не прямой стратегии: признак есть только у Р и Т или только у R) и расходящиеся с ним (при не прямой стратегии: признак есть у Р и R, только у Р или только у Т). Б. Комри полагает, что тот факт, что «в интересных случаях» приоритетным актантом оказывается реципиент, связан с его высокой позицией в иерархии одушевленности и может быть поставлен в один ряд с наблюдением, что эргативное подлежащее, несмотря на свой «косвенный» падеж, часто обладает синтаксическим приоритетом перед другими ИГ.

Материал, представленный в статье Г. Корбета «Синтаксические отношения и типология систем согласования» (с. 37–54), вошел также в его изданную ранее книгу «Согласование» [Corbett 2006]. В статье автор обращает внимание на тот факт, что возможность выступать контролером согласования с глаголом не всегда задается только синтаксической ролью ИГ: решающим фактором может стать семантика (как ИГ, так и предиката), коммуникативная функция ИГ или ее падеж.

Статья М.А. Даниэля, Т.А. Майсака и С.Р. Мердановой «Каузативы в агульском» (с. 55–113) рассматривает синтаксические свойства каузатива в агульском языке и семантические различия между каузативами, образованными от одного и того же глагола с использованием различных моделей (такие, как противопоставление прямой и не прямой каузативизации). Также отмечается, что кодирование каузируемого участника номинативом/эргативом vs. локативным падежом передает семантику большего vs. меньшего

контроля со стороны данного участника над каузируемой ситуацией.

А.Ю. Фильченко в статье о коммуникативных стратегиях в восточных хантыйских диалектах (с. 115–131) пытается показать, как в анализируемых им говорах восточной диалектной группы хантыйского языка коммуникативные свойства ИГ влияют на возможность ее индексирования в глаголе, контроля ей рефлексивного местоимения, согласования с ней предиката зависимой релятивной клаузы и другие синтаксические свойства. Хотя в целом аргументация автора не оставляет сомнений в том, что синтаксические свойства ИГ в хантыйском связаны с коммуникативными, в статье есть несколько «темных» мест. Так, остается непонятным, какие именно коммуникативные свойства наделяют ИГ тем или иным синтаксическим признаком. Хотя автор неоднократно говорит, что важны и выводимость референта из контекста, и активированность, и определенность, и топикальность, он не демонстрирует действие каждого из данных параметров, а один из примеров (с. 124) показывает, что как минимум в некоторых случаях достаточно противопоставления фокуса и топика. Кроме того, неясно, является ли связь коммуникативной функции и (хотя бы некоторых) синтаксических признаков грамматикализованной: так, говоря об индексировании в имени лица и числа посессора, автор отмечает, что оно обязательно при местоименных посессорах и обычно не встречается при посессорах – полных ИГ, но не говорит о том, возможно ли индексирование при посессоре – полной ИГ в принципе и в какой мере данное противопоставление распространяется на другие синтаксические параметры.

Статья «Асимметрия в аргументной структуре в языках мира» Джона Хокинза (с. 133–151) развивает идеи, высказанные им ранее в книгах [Hawkins 1994; 2004]. Автор задается вопросом, почему выбор между наличием и отсутствием у ИГ некоторого синтаксического приоритетного признака и другие синтаксические свойства, такие как линейный порядок ИГ в клаузе, могут определяться местом ИГ в одной или нескольких иерархиях: семантической, синтаксической, падежной и др. Дж. Хокинз предлагает решать эту проблему с помощью трех функционалистских принципов: если две языковых единицы связаны синтаксическим отношением, они должны находиться как можно ближе друг к другу («minimize domains»); предпочтительно, чтобы меньшему количеству формальных единиц было присвоено большее количество значений («minimize forms»); предпочтительно, чтобы значения могли присваиваться формальной единице в момент ее распознавания («maximize on-line processing»). Дж. Хокинз подчеркивает, что хотя данные

² Т – тема, R – реципиент (при дитранзитивном предикате); Р – пациент (при монотранзитивном предикате).

принципы объясняют существование иерархий, они не дают понять, почему иерархии имеют разный «вес» и, например, в эргативных языках порядок SO (агенса выше пациенса в иерархии семантических ролей, но номинатив выше эргатива в падежной иерархии) встречается чаще, чем OS.

Статья Тэхо Чана и Томаса Пейна «Маркирование топика и устройство нарратива в сибирском» (с. 152–175) рассказывает о частице *da*, встречающейся в разговорном регистре сибирского (языка тунгусо-маньчжурской ветви алтайской семьи, иногда также рассматриваемого как диалект маньчжурского языка). Авторы говорят об «ограничительной» функции данной частицы: она может следовать за топиком; наречием, располагающимся в начале клаузы; союзом, соединяющим предложения (*tumake* 'и тогда', *dam* 'однако'); нефинитной клаузой или клаузой с перфективным маркером, передающими предшествующее событие; и, таким образом, отмечает ограничение действия по времени, месту, привязанности к референту или же его положение в цепочке других событий. Авторы отмечают, что «умелое» употребление частицы *da* в нарративе оценивается носителями как свойство хорошего рассказчика.

Юха Янхунен в статье «Об иерархии структурной конвергенции в языковом ареале Амдо» (с. 176–189) рассматривает вопрос о том, какие структурные признаки языков заимствуются в языковом союзе, а какие нет, на примере ареала Амдо (части исторического Тибета, принадлежащей сейчас Китаю и поделенной между провинциями Ганьсу, Цинхай и Сычуань), где говорят на языках четырех групп: тюркской, монгольской, синитической и тибетской. Примерное время существования данного союза – от 500 до 1500 лет. Автор задается следующими вопросами, на которые пока не находит ответа: почему некоторые черты, такие как эргативный vs. аккузативный строй, порядок определения и существительного, не заимствовались, а также почему из двух конкурирующих черт, таких как согласование глагола по лицу с подлежащим и категория перспективы (противопоставление форм глагола при подлежащем 2 лица в вопросе и 1 лица в утвердительном предложении остальным формам), в языковом союзе распространилась именно вторая.

В статье «Пирамиды пространственных отношений в северо-восточных тюркских языках и их соседях» (с. 191–210) Ларс Юхансон пытается представить пространственные маркеры, встречающиеся в данных языках, в виде пирамиды, где на верхнем уровне располагаются максимально простые с точки зрения формы и абстрактные с точки зрения значения показатели, а на нижнем – максимально формально сложные и конкретные. Как кажется, однако, утвержде-

ние автора, согласно которому при движении от более просто устроенных маркеров к более сложным происходит конкретизация семантики, слишком прямолинейно. Так, на верхнем уровне пирамиды автор помещает «конструкции без маркера», то есть случаи, где пространственная семантика ИГ не маркирована ни падежным окончанием, ни послелогом; однако она оказывается по крайней мере не более абстрактной, чем семантика следующего уровня «простых» падежей: если вторые в большинстве случаев не противопоставляют динамические и нединамические ситуации, то первые как минимум в некоторых языках используются только для динамических ситуаций.

Статья А.А. Кибрика о языках с вершинным маркированием (с. 211–240) проводит аналогию между слотами в глаголе, где индексируются участники с различными семантическими ролями, и падежами в языках с зависимостным маркированием. Автор призывает не смешивать в описании языка в целом и при глоссировании примеров в частности синтаксические отношения с семантическими ролями, а также использовать одинаковую терминологию для анализа глагольной словоформы в эргативных, аккузативных и активных языках с вершинным маркированием.

Хи-Су Ким в статье «Переходная, каузативная и пассивная конструкции в корейском и японском» (с. 241–255) предлагает новые критерии для противопоставления перечисленных в названии конструкций: во-первых, в каузативной конструкции так или иначе контролируют каузируемое действие и участник с грамматическим статусом подлежащего, и участник – прямое дополнение, тогда как в обычной переходной конструкции это только участник – подлежащее, а в пассивной участник – подлежащее не контролирует действие; во-вторых, в переходной конструкции участник – не-подлежащее является внутренним аргументом (*internal argument*) предиката, в двух других – внешним (*external argument*). Первый критерий – уровень контроля со стороны разных участников ситуации – автор использует также для противопоставления прямой, не прямой и социативной (*sociative*) каузации.

Марианна Митун в статье «Кодирование ядерных актантов и дальнейшее родство» (с. 257–294) рассматривает примеры, опровергающие представление о том, что кодирование ядерных актантов является стабильной чертой, хорошо сохраняется в родственных языках, не заимствуется при ареальном контакте и, следовательно, может быть индикатором дальнего родства языков (такое утверждение было, в частности, сделано в [Nichols 1992: 181]). Как показано в статье, в четырех неродственных языках Северной Калифорнии (чимарико, яна, юрок и карук) наблюдается один и тот же –

иерархический, самый редкий среди языков мира, – тип кодирования ядерных актантов, причем это сходство не может являться генетическим.

В статье Анны Северской и Дика Баккера (с. 295–323) сравнивается понимание синтаксического отношения в трех близких теориях: функциональной грамматике С. Дика [Dik 1997], типологии синтаксических отношений А.Е. Кибрика [Kibrik 1997; 2001] и референциально-ролевой грамматике Ван Валина и ЛаПоллы [Van Valin, LaPolla 1997]. Авторы отмечают, что анализ синтаксических отношений в рамках этих трех теорий позволяет противопоставить европейские языки, где синтаксические отношения обычно «переменные» (variable), северно- и центральноазиатским языкам, для которых более типичны «фиксированные» синтаксические отношения (invariable).

Последняя статья сборника, принадлежащая Пиркко Суйхконен (с. 325–354), на материале финского и удмуртского языков рассматривает, как на различные аспектуальные характеристики предложения влияют лексический тип предиката, деривационные суффиксы глагола и квантифицирующие наречия.

Сборник, несомненно, представляет интерес для широкого круга читателей, в первую

очередь для лингвистов-типологов и синтаксистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Corbett 2006 – G.G. Corbett. Agreement. Cambridge, 2006.
- Dik 1997 – S.C. Dik. The theory of functional grammar. Part 1: The structure of the clause. Berlin, 1997.
- Hawkins 1994 – J.A. Hawkins. A performance theory of word order universals. Cambridge, 1994.
- Hawkins 2004 – J.A. Hawkins. Efficiency and complexity in grammars. Oxford, 2004.
- Kibrik 1997 – A.E. Kibrik. Beyond subject and object: Towards a comprehensive relational typology // Linguistic typology. 1997. V. 1. № 3.
- Kibrik 2001 – A.E. Kibrik. Subject-oriented vs. subjectless languages // M. Haspelmath et al. (eds.). Language typology and language universals. An international handbook. V. 2. Berlin, 2001.
- Nichols 1992 – J. Nichols. Linguistic diversity in space and time. Chicago, 1992.
- Van Valin, LaPolla 1997 – R.D. Van Valin, R.J. LaPolla. Syntax. Cambridge, 1997.

М.В. Шкапа

Сведения об авторе:

Мария Валерьевна Шкапа
Институт языкознания РАН
mashashkapa@gmail.com